

РУНЫ НА АСФАЛЬТЕ

СЕРГЕЙ ФОМИЧЁВ

РОМАН С ФЕЕЙ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф76

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на переплете *Ф. Барбышева*

Фомичев, Сергей Рудольфович.
Ф76 Роман с феей / Сергей Фомичев. — Москва :
Эксмо, 2018. — 448 с. — (Руны на асфальте).

ISBN 978-5-04-094858-1

Терзаемый жесточайшим похмельем, Коленька Грачевский решает выудить из городского фонтана монетки, чтобы наскрести денег на чекушку. И оказывается во власти хозяйки фонтана феи Айви, которая заключает с ним магический контракт. Теперь Коленьке придется выполнять желания всех, кто бросил в фонтан похищенные им монетки. И Грачевский справился бы, не окажись среди загадавших желание могущественного черного колдуна...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094858-1

© Фомичев С., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Посвящается
любимой дочери Машеньке,
которая не дает стареть*

Глава 1

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА

С самого утра Коленька Грачевский — высокий худощавый мужчина с двухнедельной небритостью и следами перепоя на лице — мучился похмельем, депрессией и отсутствием смысла жизни. В выдавших виды джинсах и потрёпанной коричневой куртке он брёл по пустынной осенней улице в тот хитрый час, когда граждане, работающие по графику, уже сидели в конторах, а люди профессий свободных ещё только подумывали о первой чашечке кофе и сигарете. В текущий момент истории Коленька не относился ни к тем, ни к другим. И потому презирал первых за конформизм, а вторых ненавидел ничуть не меньше за шальную удачу.

Магазины только-только начали продавать спиртное, и как минимум одно из трёх мучений можно было с повестки дня снять (а с ним, как подсказывал опыт, неизбежно ослабнет актуальность и остальных), но у Грачевского возникла традиционная для этого времени суток загвоздка, а именно полное отсутствие денежных знаков. Впрочем, как это бывает у всякого опытного бродяги, у Коленьки всегда имелось в запасе несколько возможных пу-

тей раздобыть или саму выпивку, или средства на её приобретение. И сейчас, предоставив ватным ногам самим выбирать дорогу, он занимался тем, что перебирал варианты в залитых свинцом мозгах. Ватные ноги и свинцовые мозги — очень неудачное в смысле физиологии сочетание, тем не менее оно достаточно распространено в средней полосе нашей родины.

Ноги вынесли его к Музею традиционных ремёсел, где Коленька когда-то недолго работал, а значит, подсознание или даже сама судьба направили его к одному из возможных вариантов удовлетворения насущной потребности. И даже, если задуматься, к двум. Во-первых, здесь работал Роман Павлович Варварин, который Грачевского хорошо знал и доверял настолько, что мог одолжить пару сотен рублей. И, что немаловажно, эта пара сотен наверняка была при Палыче и не составляла проблемы для его бюджета, ибо был он человеком весьма обеспеченным. А во-вторых, если паче чаяния Варварин на работе отсутствует, то уж запасной вариант найдется на месте всегда. В любое время суток, в любой день недели. Так как вторым источником денег мог послужить старинный фонтан, расположенный во двореке музея. Он считался первой городской достопримечательностью и официально числился памятником истории и культуры, поскольку превосходил древностью сам город. Когда-то здесь стояло поместье одного из видных промышленников империи, и заводские крепостные соорудили посреди роскошного парка этот скромный шедевр из лучшего уральского камня, сплавленного по Чусовой, Каме и Волге, а затем поднятого по мелкой и извилистой местной речушке. Легенд и былей вокруг фонтана ходило когда-то великое множество, но своего Бажова в здешних местах не нашлось, и большинство преданий со временем оказались утрачены. Лишь отголоски в виде цитат и упоминаний встречались

в немногих уцелевших бумагах уездной канцелярии, ибо как архив её почти полностью сгорел в Гражданскую войну. Фамилия промышленника утасла задолго до классовой резни, поместье отошло казне и со временем пришло в упадок; усадьба разрушилась, а бурно развивающийся уже во времена индустриализации город поглотил и остатки парка. Так что от прежней роскоши сохранился здесь только фонтан, вокруг которого на прочном фундаменте разрушенной усадьбы выросли корпуса музея.

Помимо всего прочего, фонтан был замечателен тем, что не имел водонапорной системы, насосов и фильтров, а, используя перепад высот, питался напрямую из природного источника и сбрасывал воду по трубе дальше в ручей, а потом и в реку. В архитектурном смысле он представлял собой круглый бассейн с широким бортиком из серого гранита, в центре которого возвышалась над гладью воды огромная двустворчатая раковина. Раковина эта была раскрыта меньше чем наполовину, градусов эдак на восемьдесят–восемьдесят пять, подобно книге, которую читают в тесноте общественного транспорта. Одна створка как будто лежала на мелководье, подпираемая невидимой основой из камня, а вторая слегка нависала над ней. Из раковины извергалась вода. Однако она не была струёй, а наполняла нижнюю створку и мерно стекала с её волнистых краёв в каменную чашу бассейна, не оставляя, что характерно, на камне ржавых подтёков. Дно чаши блестело от самых разнообразных монет, брошенных сюда как многочисленными посетителями музея, так и обычными горожанами, музей не посещающими, но отдающими должное знаменитому фонтану и старинной традиции. Раз в месяц узбек Рашид, работающий сторожем и дворником, забирался в фонтан в резиновых сапогах (поскольку спуска воды конструкция не предусматривала), выгребал скопившуюся «медь» лопатой, сваливал в ведёрко и сдавал музейному на-

чальству, которое перечисляло вырученную сумму на счёт детского дома, о чём свидетельствовала табличка на вкопанном неподалёку столбике.

Возможно, из-за надписи на табличке, а возможно, из-за системы видеонаблюдения, установленной во дворике музея, фонтан никогда не пытались обчистить, так что Грачевскому было немного не по себе, когда он решился стать в столь сомнительном деле первопроходцем. Впрочем, терзаться долго не пришлось. Что касается детского дома, то он поклялся себе вернуть деньги при первой возможности и тем самым успокоил совесть, камеры же слежения были только камерами, и рассудительному Коленьке представлялось маловероятным, что кто-то корпел перед мониторами в столь утренние часы. А запись, если её вдруг будут пересматривать охранники, вещь неверная, да и случится это потом, в то время как деньги можно обрести прямо сейчас. Но если не жадничать, не торчать полчасика, набивая карманы, а удовлетвориться малостью, одним наскоком, то, возможно, и вовсе никто ничего не заметит, или заметит, но махнёт рукой. И бывшего сослуживца Варварина правильнее было оставить про запас, на чёрный день, ибо людей, доверяющих Грачевскому и в то же время имеющих деньги, осталось в мире не так уж много.

— Эх, была не была! — подбадривал себя Коленька, притираясь коленом к серому холодному граниту, точно штангист перед рывком. — Где наша не пропадала? Семь бед — один ответ!

Когда запас поговорок исчерпался, он засучил рукава, нагнулся и погрузил ладони в воду. Стужа оказалась такой, будто сунулся он не в фонтан, а в крещенскую прорубь. Руки до локтя быстро ооченели, теряя чувствительность, и Коленька поспешил зачерпнуть по горсти монет в каждую из ладоней. Он уже собирался дать дёру с уловом, но как только ладони с монетками оказались над поверхностью, его

что-то сильно ударило по затылку. Обычно удар по голове вызывает боль, с Коленькой же случилось обратное. Гудящая похмельная боль пропала. И наступила благодатная тьма.

* * *

Сознание вернулось, оставив боль где-то в небытии, заблудившейся среди извилин, а Коленька неожиданно обнаружил себя сидящим за тёмным столом из старого морёного дерева или, во всяком случае, сделанного под старое морёное дерево. Он попытался оглядеться и понял, что не способен пошевелить ни головой, ни скрюченными где-то возле живота руками — он ощущал себя эдаким динозавром с короткими передними лапами или, может быть, кенгуру. Не получилось даже скосить глаза, и лишь ненадёжным периферийным зрением он отметил стоящие возле стола массивные канделябры со множеством горящих свечей.

Сделав небольшое усилие, он вспомнил обстоятельства, предшествующие потере сознания. Видимо, он отключился после удара по затылку и его притащили в комнату охраны. А шевельнуться не может, потому что при ударе ему повредили какой-нибудь нерв или даже целую область мозга. От такой догадки Коленьке стало нехорошо, ему совсем не хотелось провести остаток жизни прикованным к кровати инвалидом. С другой стороны, память вернулась быстро, никакой амнезии и прочих посттравматических недугов не наблюдалось, так что скорее всего с мозгами порядок, и возможно, его укололи каким-то препаратом, чтобы обездвижить, хотя смысл такого мероприятия и вовсе ускользал от понимания. Не слишком ли много чести для забуддыги, пытавшегося стащить пару монет? В любом случае приходилось признать, что он здорово влип и, хуже всего, что не понимает, во что именно его

угораздило вляпаться. Неясность ситуации усугубляла вся эта странная обстановка: тёмный массивный стол, канделябры, свечи. Не очень похоже на подсобку охраны, где Коленьке, кстати, доводилось бывать. Впрочем, и на любое другое помещение музея это походило мало. Когда он работал здесь, свечи имелись только в экспозиции, рассказывающей о соответствующем промысле. Да и те, надо думать, были бутафорскими. Кому и зачем понадобилось устраивать подобный интим? Скорее всего он вообще не в музее. А тогда где?

Он размышлял так некоторое время, бросаясь от паники к любопытству и попытке анализа положения, когда наконец где-то справа щёлкнул фиксатор двери, раздались едва слышные шаги, и в узком секторе его зрения возникла девушка. На вид ей было лет восемнадцать-двадцать. Стройная фигурка превосходно подчёркивалась вечерним зелёным платьем, светлые чуть рыжеватые волосы свободно падали на плечи и спину, и только узкий обруч диадемы не позволял им захлестнуть золотистой волной мраморный (как показалось Коленьке в свете свечей) правильный овал лица. Девушка двигалась мягко, но как-то излишне строго, точно балерина на сцене. Она прошла к креслу, что стояло напротив, через стол, соскользнула в него, будто стекла, и молча, тщательно, не торопясь, стала разглядывать Грачевского. В её взгляде не было и проблеска сочувствия к жертве, каковой, несмотря на явный залёт, ощущал себя Коленька. Немного презрения, чуток раздражения, но в основном взгляд был изучающим и оценивающим, причём оценка, судя по всему, склонялась к невысоким рангам. Зато сам Коленька, как бы презрев обстоятельства, разглядывал девушку не без удовольствия и диву давался открытию, что в охранных структурах встречаются такие молодые и симпатичные сотрудницы. Он даже пожалел на миг, что своим налётом на фонтан сорвал её с какого-нибудь поли-

цейского корпоратива, или где там она могла расхаживать в подобном наряде? Утро давно наступило, но ведь сейчас любят гулять до упора и разъезжаются по домам только к полудню. Впрочем, барышня вовсе не выглядела уставшей или помятой, какими обычно бывают после ночного марафона. Тут же мелькнула мысль, а что, если она врач и была вызвана в связи с его сулящей инвалидность травмой, отчего Коленьку вновь охватил приступ паники, на сей раз короткий. Тем временем девушка закончила предварительный осмотр, и взгляд её стал взглядом кулинара, которому вместо элитной вырезки подсушили тухлятину.

— Можете положить монеты на ткань, — произнесла она приятным бархатным голосом, но неприятным тоном, точно бархат посыпали толчёным стеклом.

Коленька вдруг ощутил, что до сих пор держит проклятый улов в руках, то есть, получается, его не просто взяли с полочным, но так, с полочным в руках, и доставили на допрос. А ещё он понял с великим облегчением, что способность двигаться к нему вернулась. Во всяком случае, такая способность вернулась к рукам, и Коленька с удовольствием воспользовался оказией, чтобы избавиться от влажных ещё монет. Он высыпал их на кусок фланели, расстеленный на столе прямо перед ним как будто специально для этого случая, а расставшись с уловом, почувствовал, как сильно озябли руки, и принялся согреть одной другую. Кончики пальцев слегка покалывало, однако боль понемногу уходила. Он шевельнул головой для пробы и увидел комнату целиком. Собственно, кроме стола с креслами и двух канделябров, здесь ничего и не было. Стены покрывала драпировка из тёмно-зелёной ткани, которая слегка переливалась в свете свечей. Шёлк или что-нибудь в этом роде.

— Николай Родионович Грачевский, — зачитала девушка с нелепой розовой карточки, размером чуть

больше стандартной библиографической. — Тридцать шесть лет. Безработный. Без определённого места жительства.

Голос её под конец фразы показался Грачевскому каким-то тоскливым, разочарованным, словно она рассчитывала, что фонтан обчистит миллионер, чемпион мира по боксу или на худой конец учёный-ядерщик, владеющий московской пропиской.

— Прошу прощения, барышня, но последний пунктик несколько некорректен, — счёл нужным вставить Коленька. — У меня имеется квартира. Правда, пришлось её сдать внаём по причине предпоследнего пунктика вашего обвинения.

«Барышня» подняла взгляд, точно выхватила «колыт», и Коленька замолк. Возникшее было шутили-вое настроение пропало.

— Вам, сударь, пока что слова не давали, — холодно произнесла девушка, поднесла карточку к свече и подпалила угол. — К тому же прошлое теперь не имеет значения.

С опаской наблюдая за пожирающим карточку пламенем, он послушно молчал, хотя вопросов вертелось на языке масса. Его прекрасная и угрюмая собеседница выпустила догорающий клочок бумаги, пепел мягко спланировал куда-то в сторону, а она принялась барабанить пальцами по столу. Коленька между делом отметил ухоженные, но не длинные и не покрытые лаком ногти. На лице её следов косметики он не разглядел тоже, впрочем, возможно, девушка предпочитала естественные тона.

— А будущего у вас нет, — решила вдруг добавить она после длительной паузы.

Он вздрогнул, сразу как-то поняв, что та не шутит и даже не преувеличивает. Что всё случившееся с ним этим утром гораздо серьёзнее, чем можно было бы представить, но ужас заключался ещё и в том, что и представлять-то ему было совершенно нечего, не от чего отталкиваться в размышлениях

или фантазиях. И тут с ним внезапно случилась метаморфоза — он перестал ощущать себя Коленькой (так обычно называли его собутыльники и вообще случайные знакомые последнего времени), а стал Николаем, человеком куда менее легкомысленным, каковым он давненько себя не ощущал. Девушка заметила эту внутреннюю глубинную метаморфозу и даже внесла корректировку в прежнюю итоговую оценку. Теперь она смотрела на него не как на тухлятину, но, скажем, как на кусок жилистого мяса, с которым всё равно предстояло, так или иначе, работать. В укусе там вымочить или молоточком отбить. Или пропихнуть через мясорубку.

— Вы совершили большую глупость, ограбив источник, — сказала она, скорее доводя до сведения, чем обвиняя.

— Есть такой грех, — со вздохом согласился он. — Осознаю, раскаиваюсь.

— Вероятно, раскаиваетесь, — кивнув, произнесла ледяным тоном девушка. — Но вряд ли осознаёте.

— Уж как могу, так и осознаю, барышня, — возразил Николай. — Монеты все вот они, возвращаю. И готов понести ответственность перед законом.

— Закон тут ни при чём! — строго поправила его девушка. — А монеты возвращать уже поздно. Тетива пропела песню прощания, и стрела судьбы пущена.

— Не понимаю. Это что, цитата? И к чему эти метафоры? Тетива, песня, стрела.

— Да, всё не так легко понять, к сожалению, но ещё труднее будет принять. — Девушка чуть качнула головой. — Говоря попросту, вы не можете вернуть монеты мне или, скажем, положить их обратно в фонтан.

— Не могу, — обречённо вздохнул Николай. — Хотите всё же сдать меня полицейским? А смысл? Тут не такая уж крупная сумма. На уголовное дело никак не потянет. В лучшем случае на мелкое хулиганство. Административка. Ну дадут мне, допустим,

пятнадцать суток. Максимум. Если и оштрафуют, то в пользу казны. Вам-то с этого какой прок?

— Проку с полиции никакого, это правда, — согласилась девушка с прежней тоской. — И чего бы вам было не оказаться каким-нибудь профессиональным злодеем, взломщиком или налётчиком, тогда появился бы, возможно, шанс...

Это признание в очередной раз поставило Грачевского в тупик. Ей что, нужен настоящий злодей, для отчётности? Мелким алкашом начальство уже брезгует? Медаль не дадут, что ли, премию?

— Профессиональные взломщики фонтаны не грабят, — заметил он.

— То-то и оно, — согласилась она с явным искренним сожалением. — В этом-то и беда. А с вами, боюсь, ничего у нас не получится.

Даже не представляя, что могла иметь в виду незнакомка, Николай почувствовал себя уязвлённым. Получится, не получится, понимаешь. И не важно, что именно. Как можно оценивать человека по трём строчкам на розовой карточке, как будто он плюшевый заяц, а на бирке указан состав набивки и соответствие изделия европейским стандартам?

— Вы бы толком-то рассказали, барышня, в чём проблема? — разозлился он. — А там уж посмотрим, получится чего или нет. В конце-то концов, я же вернул монеты. Всё до копейки вернул. Можете обыскать меня, если не верите.

— Возвращать поздно, — повторила она и пожала плечами, как будто произнесла что-то банальное. — Вы уже взяли монеты и теперь обязаны отработать их.

— Отработать?

— Именно. — Она улыбнулась, впервые за всё время их странной беседы. Впрочем, её демоническая улыбка не предвещала ничего хорошего. В лучшем случае пожизненную каторгу на урановых рудниках.

— Чем же я могу загладить свою вину?

— Не загладить, а отработать, — поправила она.

— Хорошо, отработать, — поморщился Николай.

У него вдруг зачесалась лодыжка, но он никак не мог дотянуться до неё незаметно, а нагибаться и выпускать из вида собеседницу отчего-то опасался. Один раз уже нагнулся. Он попробовал почесать носком ботинка, но зуд только усилился.

— Как вам объяснить, — между тем сказала незнакомка. — Дело в том, что люди бросали монетки в фонтан не просто так, они загадывали желания.

— Да, здесь такая традиция, — согласился Николай. — Очень старая и добрая городская традиция.

— Хорошо, что вы это понимаете, — кивнула девушка. — Люди бросали монеты и загадывали желания. А значит что?

— Что?

— Теперь вы обязаны выполнить их.

— Обязан? — удивился Грачевский. — С какой стати?

— Тот, кто взял монеты, тот и обязан. Чего же тут неясного? — спросила она удивлённо, но её удивление выглядело немного фальшивым.

— Обязан выполнять всю ту чушь, что загадывают праздные туристы? Смеётесь?

— Отнюдь. — В её голосе прибавилось железа. — И это не моя блажь и даже не род наказания. Считайте, что это нечто вроде заклатья или проклятия, если угодно.

— Заклатья? Постойте-ка, мы говорим о...

Он пошевелил пальцами в воздухе, точно играя на невидимом пианино, но так и не смог подобрать корректное определение.

— Да. Именно об этом. А точное определение не имеет значения. Можете не утруждать мозг.

— Так... — Николай посмотрел на собеседницу абсолютно серьёзным взглядом. — Лучше сдайте меня в полицию, барышня, и закончим на этом.